

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

ТОМАС
ГОбБС

ЛЕВИАФАН

КАК
РОЖДАЕТСЯ
ЧУДОВИЩЕ
ВЛАСТИ

ЭЛИАС
КАНЕТТИ

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

Философский поединок

Томас Гоббс

**Левиафан. Как рождается
чудовище власти**

«Алисторус»

УДК 323(1-87)
ББК 66.3

Гоббс Т.

Левиафан. Как рождается чудовище власти / Т. Гоббс —
«Алисторус», — (Философский поединок)

ISBN 978-5-906842-75-6

В 2015 году в России с большим успехом прошел фильм Андрея Звягинцева «Левиафан». В этом фильме библейский образ «Левиафана» используется как метафора государственной власти. Подобное отождествление впервые использовал английский философ Томас Гоббс, который в своем произведении сравнил государственную машину с Левиафаном («смертным Богом»). В книге, представленной вашему вниманию, приводится этот знаменитый трактат Гоббса. Оппонентом английского философа выступает Элиас Канетти – австрийский мыслитель, лауреат Нобелевской премии. Опираясь на фрейдистскую теорию, Канетти показывает, как происходит подчинение массы ее руководителям, и проводит параллель между руководством и паранойей. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 323(1-87)

ББК 66.3

ISBN 978-5-906842-75-6

© Гоббс Т.
© Алисторус

Содержание

Предисловие	5
Томас Гоббс. Левиафан (фрагменты)	7
Рождение Левиафана	7
Как возникает государство	7
Определение государства	9
Виды государства	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Томас Гоббс, Элиас Канетти

Левиафан. Как рождается чудовище власти

Предисловие

Побеждают революции, один за другим возникают новые режимы, устои прошлого рассыпаются в прах, остается неизменным лишь стремительное возвышение вождей. Они, разумеется, всегда играли какую-то роль в истории, но никогда ранее она не была столь решающей, никогда потребность в вождях не была такой острой.

Сразу возникает вопрос: совместимо ли такое стремительное восхождение с принципом равенства (основой всякого правления в цивилизованных странах), с всеобщим прогрессом военных сил и культуры, с распространением научных знаний? Неужели оно является неизбежным следствием всех тех особенностей современного общества, с которыми оно, казалось бы, несовместимо? Ведь поначалу, когда большинство захватывает власть, она временно переходит в руки меньшинства, но только до того момента, пока один человек не отнимет ее у всех остальных. Этот исключительный человек теперь воплощает собой закон. По приказу вождя толпа его приверженцев беспрекословно идет на преступления, потрясающие воображение, совершает бесчисленные разрушения.

Такая власть не может осуществиться, не лишив людей ответственности и свободы. Более того, она требует их искренней вовлеченности. Хотя нам не привыкать к таким парадоксальным эффектам и их накопление даже притупляет нашу впечатлительность, тем не менее они продолжают нас удивлять, а порой шокировать, заставляя думать, что мы сами становимся их причиной.

Мы полагали, даже считали аксиомой, что единоличное господство, наконец, изживет себя, и о нем будут знать только понаслышке. Оно должно было бы стать какой-то диковиной, как культ героев или охота на ведьм, о которых пишут в старинных книгах. Кажется, трудно сказать что-то новое на эту старую тему. Но, не внося никаких новаций, мы довели до предела совершенства то, что в иные времена с их тиранами и цезарями начиналось в зародыше. Мы создали модель и превратили опытный образец в систему. Давайте признаем, что, пронизывая многообразие культур, обществ и групп, поддерживаемая ими, установилась однотипная система власти, в которой утверждает себя личность – власть вождей.

* * *

Экономические или технические факторы, несомненно, содействуют обретению вождями их могущества. Но есть одно магическое слово, обозначающее ту, самую единственную действительную причину: это слово «толпа», или, еще лучше, «масса». Его часто упоминают в разговорах еще со времен Французской революции. Однако нужно было дождаться двадцатого века, чтобы уяснить его смысл и придать ему научное значение. Ведь масса – это временная совокупность равных, анонимных и схожих между собой людей, в недрах которой идеи и эмоции каждого имеют тенденцию выражаться спонтанно.

Толпа, масса – это социальное животное, сорвавшееся с цепи. Моральные запреты сметаются вместе с подчинением рассудку. Социальная иерархия ослабляет свое влияние. Стираются различия между людьми, и люди выплескивают, зачастую в жестоких действиях, свои страсти и грезы: от низменных до героических, от иступленного восторга до мученичества. Беспреестанно кишащая людская масса в состоянии бурления – вот что такое толпа. Это неукро-

тимая и слепая сила, которая в состоянии преодолеть любые препятствия, сдвинуть горы или уничтожить творения столетий.

Разрыв социальных связей, быстрота передачи информации, непрерывная миграция населения, ускоренный и раздражающий ритм городской жизни создают и разрушают человеческие сообщества. Будучи разрозненными, они воссоздаются в форме непостоянных и разрастающихся толп. Это явление приобретает невиданный прежде размах, из чего следует его принципиальная историческая новизна. Именно поэтому в цивилизациях, где толпы играют ведущую роль, человек утрачивает смысл существования так же, как и чувство «Я». Он ощущает себя чуждым в скоплении других людей, с которыми он вступает лишь в механические и безличные отношения. Отсюда и неуверенность, и тревога у каждого человека, чувствующего себя игрушкой враждебных и неведомых сил. Отсюда же его поиск идеала или веры, его потребность в каком-то образце, который бы ему позволил восстановить ту целостность, которой он жаждет.

* * *

Выделяясь на фоне людской массы, которая расточает ему всяческие хвалы и курит фимиам, вождь зачаровывает ее своим образом, обольщает словом, подавляет, опутывая страхом. В глазах такого раздробленного людского множества индивидов он является массой, ставшей человеком. Он дает ей свое имя, свое лицо и свою активную волю.

Это позволяет ему требовать необходимых жертв. Первая жертва состоит в отказе массы от контроля над властью и того удовлетворения, которое дает свобода, для того, чтобы сторонники и соратники вождя могли бы лучше управлять и были более управляемыми благодаря максимально сокращенным и ускоренным управленческим ходам. Любые выборы, любые повседневные дела, работа, любовь, поиск истины, чтение газеты и т. д. становятся плебисцитом по его имени. Ведь его влияние, было ли оно получено с согласия масс или вырвано в результате переворота, основывается на всеобщем одобрении, то есть принимает вид демократии...

Существует какая-то мистерия масс. Правда, наша любознательность охлаждается скромными достижениями современной общественной мысли. Но зато чтение произведений классиков ее пробуждает. Сколько бы ни умалчивали ее, сколько бы ее ни искажали или даже забывали о ней, невозможно ее совершенно проигнорировать, тем более уничтожить. Русский философ Зиновьев писал в своем труде «Без иллюзий»: «В целом эти феномены психологии масс ускользают от историков, которые принимают их за вторичные элементы, не оставляющие никакого видимого следа. А на самом деле их роль огромна». Лучше и лаконичнее не скажешь.

* * *

На каждом шагу нам открывается, мягко говоря, не слишком лестная картина общественной жизни с ее лидерами и массами. Здесь неизбежно обнаруживаются все те черты, которые делают власть невыносимой; в неменьшей степени приводит в уныние облик толп, жаждущих повиновения, становящихся жертвой собственных импульсивных действий и по природе своей лишенных сознания.

Для того чтобы избежать ловушек слишком сильных оценок и показаться здравым, наилучшее средство – последовать максиме философа Брэдли: «Когда что-то плохо, то надо хорошо представлять себе худшее». И, во всяком случае, не строить никаких иллюзий.

(Из книги С. Московичи «Век толп». Перевод с французского Т. Емельяновой).

Томас Гоббс. Левиафан (фрагменты)

Рождение Левиафана

Как возникает государство

Цель государства – главным образом обеспечение безопасности. Конечной причиной, целью или намерением людей (которые от природы любят свободу и господство над другими) при наложении на себя уз (которыми они связаны, как мы видим, живя в государстве) является забота о самосохранении и при этом о более благоприятной жизни. Иными словами, при установлении государства люди руководствуются стремлением избавиться от бедственного состояния войны, являющегося необходимым следствием естественных страстей людей там, где нет видимой власти, держащей их в страхе и под угрозой наказания, принуждающей их к выполнению соглашений и соблюдению естественных законов.

В самом деле, естественные законы (как справедливость, беспристрастие, скромность, милосердие и (в общем) поведение по отношению к другим так, как мы желали бы, чтобы поступали по отношению к нам) сами по себе, без страха перед какой-нибудь силой, заставляющей их соблюдать, противоречат естественным страстям, влекущим нас к пристрастию, гордости, мести и т. п. А соглашения без меча лишь слова, которые не в силах гарантировать человеку безопасность. Вот почему, несмотря на наличие естественных законов (которым каждый человек следует, когда он желает им следовать, когда он может делать это без всякой опасности для себя), каждый будет и может вполне законно применять свою физическую силу и ловкость, чтобы обезопасить себя от всех других людей, если нет установленной власти или власти достаточно сильной, чтобы обеспечить нам безопасность. И везде, где люди жили маленькими семьями, они грабили друг друга; это считалось настолько совместимым с естественным законом, что, чем больше человек мог нагнать, тем больше это доставляло ему чести. В этих делах люди не соблюдали никаких других законов, кроме законов чести, а именно они воздерживались от жестокости, оставляя людям их жизнь и сельскохозяйственные орудия. Как прежде маленькие семьи, так теперь города и королевства, являющиеся большими родами для собственной безопасности, расширяют свои владения под всяческими предлогами: опасности, боязни завоеваний или помощи, которая может быть оказана завоевателю. При этом они из всех сил стараются подчинить и ослабить своих соседей грубой силой и тайными махинациями и, поскольку нет других гарантий безопасности, они поступают вполне справедливо, и в веках их деяния вспоминают со славой.

Гарантией безопасности не может служить также объединение небольшого числа людей, ибо малейшее прибавление к той или иной стороне доставляет ей такое большое преимущество в физической силе, которое вполне обеспечивает ей победу и потому поощряет к завоеванию. То количество сил, которому мы можем доверять нашу безопасность, определяется не каким-то числом, а отношением этих сил к силам врага; в таком случае для нашей безопасности достаточно, когда избыток сил на стороне врага не настолько велик, чтобы он мог решить исход войны и побудить врага к нападению.

Пусть имеется какое угодно множество людей, однако, если каждый будет руководствоваться в своих действиях лишь частными суждениями и стремлениями, они не могут ожидать защиты и покровительства ни от общего врага, ни от несправедливостей, причиненных друг другу. Ибо, будучи несогласными во мнениях относительно лучшего использования и применения своих сил, они не помогают, а мешают друг другу и взаимным противодействием сво-

дят свои силы к нулю, вследствие чего они не только легко покоряются немногочисленным, но более сплоченным врагом, но и при отсутствии общего врага ведут друг с другом войну за свои частные интересы. В самом деле, если бы мы могли предположить, что большая масса людей согласна соблюдать справедливость и другие естественные законы при отсутствии общей власти, держащей их в страхе, то мы с таким же основанием могли бы предположить то же самое и относительно всего человеческого рода, и тогда не существовало бы, да и не было бы никакой необходимости в гражданском правлении или государстве, ибо тогда существовал бы мир без подчинения.

* * *

Для безопасности, которую люди желали бы продлить на все время их жизни, недостаточно, чтобы они управлялись и направлялись единой волей в течение какого-то времени, например в ходе одной битвы или войны. Ибо хотя они и одерживают победу против иноземного врага благодаря своим единодушным усилиям, однако потом, когда общего врага уже нет или когда одна партия считает врагом того, кого другая считает другом, они в силу различия своих интересов должны по необходимости разобщиться и снова быть ввергнутыми в междоусобную войну.

Некоторые живые существа, как, например, пчелы и муравьи, живут, правда, дружно между собой (поэтому Аристотель и причислил их к общественным созданиям), а между тем каждое из них руководствуется лишь своими частными суждениями и стремлениями, и они не обладают способностью речи, при помощи которой одно из них могло бы сообщить другому, что оно считает необходимым для общего блага. Поэтому кто-нибудь, вероятно, захочет узнать, почему род человеческий не может жить точно так же. На это я отвечаю:

- во-первых, люди непрерывно соперничают между собой, добиваясь почета и чинов, чего указанные существа не делают, и, следовательно, на этом основании среди людей возникают зависть и ненависть, а в итоге и война, чего среди тех не бывает;
- во-вторых, среди указанных существ общее благо совпадает с благом каждого индивидуума, и, будучи от природы склонными к преследованию своей частной выгоды, они тем самым творят общую пользу. Человеку же, самоуслаждение которого состоит в сравнении себя с другими людьми, может приходиться по вкусу лишь то, что возвышает его над остальными;
- в-третьих, указанные существа, не обладая (как люди) разумом, не видят и не думают, что видят какие-нибудь Ошибки в управлении их общими делами, между тем как среди людей имеются многие, которые считают себя более мудрыми и более способными управлять государственными делами, чем другие, и поэтому стремятся реформировать и обновлять государственный строй; одни – одним путем, другие – другим, и этим вносят в государство расстройство и гражданскую войну;
- в-четвертых, хотя указанные существа и обладают некоторой способностью пользоваться своим голосом, чтобы дать знать друг другу о своих желаниях и страстях, однако они лишены того искусства слова, при помощи которого некоторые люди умеют представить другим добро злом, а зло добром и преувеличить или преуменьшить по своей воле видимые размеры добра и зла, внося беспокойство в душу людей и смущая их мир;
- в-пятых, неразумные существа не умеют делать различие между неправомерностью и материальным ущербом, и поэтому, до тех пор пока им хорошо живется, они живут в мире со своими сотоварищами, между тем как человек становится наиболее беспокойным именно тогда, когда ему лучше всего живется, так как тогда он любит показывать свою мудрость и контролировать действия тех, которые управляют государством.

Наконец, согласие указанных существ обусловлено природой, согласие же людей – соглашением, являющимся чем-то искусственным. Вот почему нет ничего удивительного в том, что

для того чтобы сделать это согласие постоянным и длительным, требуется еще кое-что (кроме соглашения), а именно общая власть, держащая людей в страхе и направляющая их действия к общему благу.

Определение государства

Такая общая власть, которая была бы способна защищать людей от вторжения чужеземцев и от несправедливостей, причиняемых друг другу, и, таким образом, доставить им ту безопасность, при которой они могли бы кормиться от трудов рук своих и от плодов земли и жить в довольстве, может быть воздвигнута только одним путем, а именно путем сосредоточения всей власти и силы в одном человеке или в собрании людей, которое большинством голосов могло бы свести все воли граждан в единую волю. Иначе говоря, для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями; чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, и признал себя ответственным за это; чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воле и суждению носителя общего лица.

Это больше чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал другому: я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия. Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется государством, по-латыни – *civitas*.

Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного Бога, которому мы под владичеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой. Ибо благодаря полномочиям, отданным ему каждым отдельным человеком в государстве, указанный человек или собрание лиц пользуется такой огромной сосредоточенной в нем силой и властью, что внушаемый этой силой и властью страх делает этого человека или это собрание лиц способным направлять волю всех людей к внутреннему миру и к взаимной помощи против внешних врагов. В этом человеке или собрании лиц состоит сущность государства, которая нуждается в следующем определении: государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты.

Тот, кто является носителем этого лица, называется сувереном, и о нем говорят, что он обладает верховной властью, а всякий другой является подданным. Для достижения верховной власти имеются два пути. Один – это физическая сила, например, когда кто-нибудь заставляет своих детей подчиниться своей власти под угрозой погубить их в случае отказа или когда путем войны подчиняют своей воле врагов, даруя им на этом условии жизнь. Второй – это добровольное соглашение людей подчиниться человеку или собранию людей в надежде, что этот человек или это собрание сумеет защитить их против всех других. Такое государство может быть названо политическим государством, или государством, основанным на установлении, а государство, основанное первым путем, – государством, основанным на приобретении.

Мы говорим, что государство установлено, когда множество людей договаривается и заключает соглашение каждый с каждым о том, что в целях водворения мира среди них и защиты от других каждый из них будет признавать как свои собственные все действия и суждения того человека или собрания людей, которому большинство дает право представлять лицо всех (т. е. быть их представителем) независимо от того, голосовал ли он за или против них.

* * *

Из этого установления государства производятся все права и способности того или тех, на кого соглашением собравшегося народа перенесена верховная власть.

1. Подданные не могут изменять форму правления. Во-первых, так как народ заключает соглашение, то следует разуметь, что он не обязался каким-либо предыдущим соглашением к чему-нибудь противоречащему данному соглашению. Следовательно, те, кто уже установил государство и таким образом обязался соглашением признавать как свои действия и суждения одного, неправомерны без его разрешения заключать между собой новое соглашение, в силу которого они были бы обязаны подчиняться в чем-либо другому человеку. Поэтому подданные монарха не могут без его разрешения свергнуть монархию и вернуться к хаосу разобщенной толпы или перевести свои полномочия с того, кто является их представителем, на другого человека или другое собрание людей, ибо они обязались каждый перед каждым признавать именно его действия своими и считать себя ответственными за все, что их суверен будет или сочтет уместным делать, и, таким образом, если бы хоть один человек не дал своего согласия, все остальные нарушили бы свои обязательства по отношению к нему, что несправедливо, а так как, кроме того, каждый из них отдал верховную власть носителю их лица, то, свергая его, они отнимают у него то, что ему принадлежит по праву, что опять-таки является несправедливостью. Кроме того, если тот, кто покушается на власть своего суверена, был бы им убит или наказан за эту попытку, то наказуемый был бы сам виновником своего наказания согласно обязательству, взятому на себя при установлении государства: признавать как исходящее от него самого все то, что его суверен будет делать. А так как для всякого человека является несправедливостью делать что-нибудь, за что он, по собственному признанию, заслуживает наказания, то покушение на права суверена уже и на этом основании является несправедливостью. А если некоторые люди ссылались в оправдание неповиновения своим суверенам на новое соглашение, заключенное не с людьми, а с Богом, то и это неправильно, ибо соглашение с Богом может быть заключено лишь при посредстве лица, представляющего личность Бога, каковым может быть лишь наместник Бога, обладающий верховной властью под владычеством Бога. Однако эта претензия на соглашение с Богом – столь очевидная ложь даже перед собственной совестью этих людей, что она не только является низким и несправедливым поступком, но и свидетельствует о немужественном характере.

2. Верховная власть не может быть потеряна. Во-вторых, так как право представлять всех участвовавших в соглашении дано тому, кого делают сувереном путем соглашения, заключенного лишь друг с другом, а не сувереном с кем-нибудь из участников, то не может иметь место нарушение соглашения со стороны суверена, и, следовательно, никто из его подданных не может быть освобожден от подданства под предлогом того, что суверен нарушил какие-либо обязательства. Что тот, кто стал сувереном, не заключает предварительного соглашения со своими подданными – очевидно, ибо он должен был бы заключить соглашение или со всеми как одной стороной соглашения или же несколько соглашений с каждым человеком в отдельности.

Однако заключить соглашение со всеми людьми как единым целым невозможно, так как до установления государства они не являются единым лицом, а если он заключил много отдельных соглашений соответственно числу людей, то эти соглашения по приобретении им верховной власти становятся недействительными, ибо любое действие, на которое какой-нибудь представитель этой толпы может указать как на нарушение договора, является действием суверена и всех остальных, так как оно совершено от лица и по праву каждого из них в отдельности.

Кроме того, если кто-либо один или несколько человек утверждают, что суверен нарушил договор, заключенный им при установлении государства, а другие – или кто-либо дру-

гой из его подданных, или суверен сам – утверждают, что никакого нарушения не было, то в этом случае не имеется судьи для решения этого спора, и мы снова, таким образом, отброшены назад к праву меча, и каждый человек снова получает право защищать себя собственной физической силой, что противоречит цели, поставленной людьми при установлении государства. Тщетна поэтому попытка предоставить кому-либо верховную власть на основе предварительного соглашения. Мнение, будто какой-либо монарх получает свою власть на основе соглашения, т. е. на известных условиях, вытекает из непонимания той простой истины, что соглашения являются лишь словами и сотрясанием воздуха и обладают силой обязать, сдерживать, ограничить и защитить человека лишь постольку, поскольку им приходит на помощь меч государства, т. е. несвязанные руки того человека или собрания людей, которые обладают верховной властью и действия которых санкционированы всеми подданными и исполнены силой всех подданных, объединенных в лице суверена. Однако когда собрание людей стало сувереном, тогда ведь никто не воображает, что такого рода соглашение могло иметь место при этом установлении, ибо кто же будет так глуп, чтобы сказать, что, например, народ Рима заключил соглашение с римскими подданными о том, что он будет держать верховную власть на каких-то условиях, при нарушении которых римские подданные имеют право свергнуть власть римского народа. Но люди не замечают, что то, что верно в отношении народного правления, верно также в отношении монархии. Это проистекает из честолюбия некоторых, расположенных больше к правлению собрания, участвовать в котором они могут питать надежду, чем к монархии, при которой у них нет никакой надежды участвовать в правлении.

* * *

3. Никто не может, не нарушая справедливости, протестовать против установления суверена, провозглашенного большинством. В-третьих, если большинство согласным голосованием объявило кого-нибудь сувереном, то несогласный с этим постановлением должен по выяснении указанного результата или согласиться с остальными, т. е. признавать все действия, которые будут совершены сувереном, или он по праву может быть истреблен остальными. Ибо если он добровольно вступил в соглашение со всеми собравшимися, то он тем самым в достаточно ясной форме объявил свою волю (и этим молчаливо принял на себя обязательство) подчиняться всему, что постановит большинство. Поэтому, если он отказывается подчиниться или протестует против какого-нибудь постановления большинства, он нарушает свой договор и поступает несправедливо. Да и независимо от того, вступил ли он в соглашение со всеми или нет, был он спрошен о своем согласии или нет, он должен или подчиниться их постановлениям или быть остановлен в прежнем состоянии войны, при котором любой человек, не нарушая справедливости, может убить его.

4. Подданные не могут осуждать действия суверена. В-четвертых, так как благодаря указанному установлению каждый подданный является ответственным за все действия и суждения установленного суверена, то отсюда следует, что все, что бы последний ни делал, не может быть неправомерным актом по отношению к кому-либо из его подданных, и он не должен быть кем-либо из них обвинен в несправедливости. Ибо тот, кто делает что-либо, на что он уполномочен другим, не может этим совершить неправомерного акта по отношению к тому, кем он уполномочен. При установлении же государства каждый отдельный человек является доверителем в отношении всего, что суверен делает, и, следовательно, всякий, кто жалуется на несправедливость со стороны суверена, жалуется на то, виновником чего он сам является, и поэтому должен обвинять лишь самого себя. Да и самого себя он не должен обвинять, ибо невозможно совершать несправедливость по отношению к самому себе. Верно, что люди, облеченные верховной властью, могут совершать пристрастные действия, но не несправедливость и беззаконие в собственном смысле.

5. Любой суверен ненаказуем подданным. В-пятых, и как вывод из только что сказанного, ни один человек, облеченный верховной властью, не может быть по праву казнен или как-нибудь иначе наказан кем-либо из своих подданных. Ибо каждый подданный, как мы видели, является ответственным за действия своего суверена. Следовательно, наказывая суверена, подданный наказывает другого за действия, совершенные им самим.

6. Суверен – судья в вопросах о том, что необходимо для мира и защиты своих подданных. И так как целью учреждения верховной власти являются мир и общая защита, а право на цель дает право и на ведущие к ней средства, то к правам человека или собрания, обладающего верховной властью, относится также право быть судьей в делах мира и защиты, а также в делах того, что препятствует их осуществлению. Суверен, таким образом, имеет право предпринять все, что он считает необходимым в целях сохранения мира и безопасности путем предупреждения раздоров внутри и нападения извне, а когда мир и безопасность уже утрачены, предпринять все необходимое для их восстановления.

И судья в отношении того, каким доктринам следует их учить. И поэтому, в-шестых, в компетенцию верховной власти входит быть судьей в отношении того, какие мнения и учения препятствуют и какие содействуют водворению мира, и, следовательно, в каких случаях, в каких рамках и каким людям может быть предоставлено право обращаться к народной массе и кто должен расследовать доктрины всех книг, прежде чем они будут опубликованы. Ибо действия людей обусловлены их мнениями, и в хорошем управлении мнениями состоит хорошее управление действиями людей с целью водворения среди них мира и согласия. И хотя единственным критерием учения должна быть истина, однако это не противоречит тому, чтобы учения регулировались также с точки зрения их отношения к делу мира. Ибо учение, противодействующее миру, не может в большей мере быть истинным, чем мир и согласие – направленными против естественного закона. Поэтому в государстве, где вследствие небрежности или неловкости правителей или учителей с течением времени стали общепринятыми ложные учения, противоположные истины могут оказаться вредными. Однако следует добавить, что внезапное вторжение какой-нибудь новой истины само по себе еще никогда не взрывало мир. Это вторжение может лишь возбудить войну, которая тлела подспудно. Ибо люди, которые до того нерадиво управляют, что они смеют поднять оружие для защиты или введения какого-нибудь мнения, находятся еще в состоянии войны, и их состояние есть не мир, а лишь приостановление военных действий из боязни друг друга. И они живут как бы в состоянии непрерывного приготовления к военным действиям. Вот почему в сферу компетенции суверена входит быть судьей или назначать всех судей мнений и учений, что необходимо в целях мира и предупреждения раздора и гражданской войны.

* * *

7. Право предписывать подданным правила, с помощью которых каждый из них столь хорошо знает, что именно является его собственностью, что уже никто другой не может, не нарушив справедливости, отнять ее у него.

В-седьмых, к верховной власти относится вся власть предписывать правила, указывающие каждому человеку, какими благами он может пользоваться и какие действия он может предпринять, не оказываясь стесненным в этом отношении кем-либо из своих сограждан. И именно это люди называют собственностью. Ибо до установления верховной власти (как уже было показано) все люди имели право на все, каковое право необходимо вело к войне, и поэтому эта собственность, которая необходима для мира и зависит от установления верховной власти, есть акт этой власти в целях установления гражданского мира. Эти правила о собственности (или о моем и твоём), о добре, зле, закономерном и незаконном в человеческих действиях суть гражданские законы, т. е. особенные законы каждого отдельного государства, хотя

термин гражданский закон приурочивается теперь к древним гражданским законам города Рима, законы которого в силу его главенства над большей частью тогдашнего мира были там гражданским законом.

8. Суверену также принадлежат судебная власть и право решать споры. В-восьмых, составной частью верховной власти является право юрисдикции, т. е. право рассмотрения и решения всех споров, могущих возникнуть относительно закона, как гражданского, так и естественного, или относительно того или иного факта. Ибо без решения споров не может быть защиты подданного от обид со стороны другого. Без такого решения споров остаются пустыми звуками законы о моем и твоём, и за всяким человеком в силу его естественного и необходимого стремления к самосохранению остается право защищаться собственной физической силой, т. е. остается состояние войны, противоречащее той цели, ради которой установлено каждое государство.

9. И право объявления войны и заключения мира в зависимости от того, что он найдет более полезным. В-девятых, в компетенцию верховной власти входит право объявления войны и заключения мира с другими народами и государствами, т. е. право судить о том, что требуется в данный момент в интересах общего блага и какие силы должны быть для данной цели собраны, вооружены и оплачены, а также какая сумма должна быть собрана с подданных для покрытия расходов. В самом деле, гарантию защиты доставляют каждому народу его вооруженные силы, а сила армии состоит в объединении ее сил под единым командованием, которое поэтому принадлежит суверену, ибо одно право командования над вооруженными силами без всякого другого установления делает того, кто обладает этим правом, сувереном. Вот почему, кто бы ни был генералом армии, лицо, обладающее верховной властью, всегда является генералиссимусом (*generalissimo*).

10. И право выбора всех советников и министров, как гражданских, так и военных. В-десятых, к правам верховной власти относится право выбора всех советников, министров, должностных лиц и чиновников, как гражданских, так и военных. Так как мы видели, что целью учреждения верховной власти является осуществление общего мира и защиты, то отсюда следует, что суверен должен обладать властью использовать те средства, которые он сочтет наиболее подходящими для этого.

11. И право награждать и наказывать той мерой, какую он сам сочтет разумной (если более ранний закон ее не определил). В-одиннадцатых, суверену предоставлено право награждать богатством и почестями, а также накладывать телесные и денежные наказания, как и наказание бесчестьем, на всякого подданного в соответствии с ранее изданным сувереном законом. А если такого закона не было, то суверену предоставлено право награждать и наказывать соответственно тому, как он это сочтет разумным, чтобы поощрить людей к служению государству или удержать их от нанесения вреда ему.

12. И право установления почетных титулов и табели о рангах. И наконец, принимая во внимание, какую цену люди от природы склонны придавать самим себе, какого уважения они требуют от других и как мало они ценят остальных людей и что из всего этого непрерывно проистекают среди них соперничество, раздоры, заговоры и, наконец, война, ведущая к их взаимному истреблению и к ослаблению их сопротивления общему врагу, необходимо, чтобы существовали законы о почестях и установленная государством градация ценности людей, оказавших или способных оказать услугу государству, и чтобы тот или другой человек был облечен властью претворить эти законы в жизнь. Но мы уже показали, что верховная власть имеет не только право распоряжения войсками государства, но также и право суда во всех спорах. Поэтому суверену принадлежит также право раздавать почетные титулы и определять то положение в обществе, которое каждый человек должен занимать, и те знаки уважения, которые подданные должны оказывать друг другу при публичных и частных встречах.

* * *

Таковы права, образующие сущность верховной власти и являющиеся признаками, по которым человек может определить того человека или то собрание людей, которые облечены верховной властью. Ибо эти права непередаваемы и неделимы. Право чеканить монету, распоряжаться имуществом и личностью несовершеннолетних наследников, право преимущественной покупки на базарах и все другие уставные прерогативы суверен может перенести на кого-нибудь без всякого ущерба для своего права защиты подданных. Если же суверен переносит на другого право распоряжения войсками, то сохранение за собой права судебной власти будет бесполезно, так как он будет лишен силы привести законы в исполнение; а если он уступает кому-либо свое право взимать налоги, то пустым остается его право распоряжаться военными силами, если он отказывается от права направлять те или иные доктрины, то боязнь духов может толкнуть людей на восстание.

Таким образом, какое бы из указанных прав ни рассматривать, мы увидим, что при отпадении одного удержание всех остальных прав не может произвести никакого эффекта в сохранении мира и справедливости, являющихся целью установления всех государств. Именно это разделение имеется в виду, когда говорится, что царство, разделенное в самом себе, не может сохраниться, ибо без такого предварительного разделения никогда не может случиться, чтобы оно разделилось на две борющиеся между собой армии. Если бы раньше большая часть населения Англии не придерживалась мнения, что указанные права были разделены между королем, лордами и палатой общин, то народ никогда не был бы разделен и дело не дошло бы до гражданской войны – сначала из-за политических разногласий, а затем из-за разногласий по вопросу о свободе религии. Эта гражданская война послужила людям таким уроком в отношении верховных прав, что теперь (в Англии) найдутся немногие, которые не видят, что эти права неделимы и таковыми они будут признаны при ближайшем восстановлении мира и будут признаваться до тех пор, пока не забудутся пережитые бедствия, но не дольше, разве что простонародье станет более просвещенным, чем оно было до сих пор.

Не может быть никакого пожалования прав суверена без прямого отречения от верховной власти. Так как эти права являются существенными и неделимыми, то отсюда необходимо следует, что, в какой бы форме ни было пожаловано сувереном кому-нибудь какое-либо из этих прав, пожалование недействительно, если только при этом не было прямого отречения от верховной власти и если пожалованный продолжает по-прежнему именовать жалующего сувереном. Ибо если суверен пожаловал все, что он может, но мы возвращаем ему обратно его верховную власть, то все его права, как неделимые между собой и неотделимые от верховной власти, восстанавливаются.

Так как эта огромная сфера компетенции неделима и неотделима от верховной власти, то малообоснованно мнение тех, которые говорят о суверенных королях, что хотя они *singulis majores*, т. е. имеют большую власть, чем каждый из их подданных в отдельности, однако они *universis minores*, т. е. имеют меньшую власть, чем все их подданные в совокупности. В самом деле, если под всеми в совокупности не разумеется совокупное тело как единое лицо, то все в совокупности означает то же самое, что каждый в отдельности, и выражение бессмысленно. Если же под всем в совокупности разумеют их как единое лицо (носителем какового лица является суверен), тогда власть всех в совокупности тождественна власти суверена, и, таким образом, приведенное выше утверждение опять-таки бессмысленно. Нелепость своего утверждения авторы его достаточно хорошо видят там, где верховная власть принадлежит народному собранию, но они не видят его там, где она принадлежит монарху, и, однако, верховная власть остается той же независимо от того, кому она принадлежит.

Как власть, так и честь суверена должны быть больше, чем власть и честь любого или всех его подданных. Ибо верховная власть является источником всех почестей. Достоинства лорда, герцога и принца суть создания ее рук. Как слуги при господине, так и подданные в присутствии суверена – все равны и лишены всякого почета. И хотя, когда они находятся вне поля зрения суверена, одни из них представляются выше рангом, другие – ниже, однако в его присутствии они не больше чем звезды в присутствии солнца.

* * *

Верховная власть не столь пагубна, как отсутствие ее, и вред возникает тогда, когда большинство с трудом подчиняется меньшинству. Могут, однако, возразить здесь, что состояние подданных, вынужденных безропотно подчиняться прихотям и порочным страстям того или тех, кто имеет в своих руках такую неограниченную власть, является чрезвычайно жалким. И обыкновенно бывает так, что те, кто живет под властью монарха, считают свое жалкое положение результатом монархии, а те, кто живет под властью демократии или другого верховного собрания, приписывают все неудобства этой форме государства, между тем как власть, если только она достаточно совершенна, чтобы быть в состоянии оказывать защиту подданным, одинакова во всех ее формах. Те, кто жалуется на указанные стеснения, не принимают во внимание, что положение человека всегда связано с тем или иным неудобством и что величайшие стеснения, которые может иногда испытывать народ при той или иной форме правления, едва чувствительны по сравнению с теми бедствиями и ужасающими несчастьями, которые являются спутниками гражданской войны, или с тем разнузданным состоянием безвластия, когда люди не подчиняются законам и не признают над собой никакой принудительной власти, удерживающей их от грабежа и мести. Эти люди не принимают также во внимание, что величайшие притеснения, испытываемые подданными со стороны верховных правителей, проистекают не из того, что они, правители, ожидают для себя удовольствия или выгоды от разорения или ослабления своих подданных, чья сила составляет их собственную силу и славу, а обусловлены тем, что упорная скаредность самих подданных, неохотно идущих на материальные жертвы для своей собственной защиты, ставит их правителей перед необходимостью извлечь из них все что можно в мирное время, с тем чтобы иметь средства в случае крайней или внезапной необходимости для организации сопротивления или победы над своими врагами. Ибо все люди от природы снабжены теми замечательными увеличительными стеклами (каковыми являются их страсти и себялюбие), сквозь которые каждый маленький платеж представляется им великой обидой, и лишены тех подзорных труб (именно морали и гражданской науки), чтобы видеть издали те бедствия, которые грозят им и которых нельзя избежать без таких платежей.

Виды государства

Различие государств заключается в различии суверена, или лица, являющегося представителем всех и каждого из массы людей. А так как верховная власть может принадлежать или одному человеку, или собранию большого числа людей, а в этом собрании могут иметь право участвовать или каждый, или лишь определенные люди, отличающиеся от остальных, то отсюда ясно, что могут быть лишь три вида государства. Ибо представителем должны быть или один человек, или большее число людей, а это – собрание или всех, или только части. Если представителем является один человек, тогда государство представляет собой монархию; если – собрание всех, кто хочет участвовать, тогда это демократия, или народоправство; а если верховная власть принадлежит собранию лишь части горожан, тогда это аристократия. Других видов государства не может быть, ибо или один, или многие, или все имеют верховную власть (неделимость которой я показал) целиком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.